

Шавеко Н.А. Россия в трудах основоположников «цивилизационного подхода» и современная Россия: сравнительный анализ // Антиномии. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 90-108. https://doi.org/10.17506/26867206_2026_26_1_90

УДК 321.01:930.85

DOI 10.17506/26867206_2026_26_1_90

Россия в трудах основоположников «цивилизационного подхода» и современная Россия: сравнительный анализ

Николай Александрович Шавеко

Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: nickolai_91@inbox.ru

*Поступила в редакцию 26.01.2026, поступила после рецензирования 04.03.2026,
принята к публикации 20.03.2026*

Считающиеся основоположниками «цивилизационного подхода» к осмыслению истории Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби предложили, помимо прочего, своё собственное видение цивилизационных особенностей России. Взгляды указанных авторов во многом не совпадают, однако если обобщить их, то особенности России сводятся к следующему: 1) Автократия; 2) Традиционность устоев; 3) Коллективизм; 4) Особый характер русской души. Современное российское общество, однако, утратило многие из называемых данными авторами характеристик. Несмотря на то, что большинство жителей России считают себя православными, роль религии в их жизни далеко не определяющая, а значимость религии для граждан сравнительно прежних исторических эпох низка. В духовном плане россияне соответствуют общепринятым характеристикам современного общества. Коллективизм также не может рассматриваться как типичная характеристика современного российского общества, по крайней мере в том смысле, что коллективная ответственность уже давно признана анахронизмом, коллективный труд (в объединениях, подобных сельской общине или колхозу) практически отсутствует, а большая семья сменилась малой нуклеарной. Хотя крепкая семья по-прежнему называется россиянами ключевой ценностью, статистика разводов не соответствует этим заявлениям; в любом случае патриархальная модель семьи ушла в прошлое. В качестве характеристик современной России, соответствующих взглядам представителей «цивилизационного подхода», можно упомянуть разве что автократию (но при этом не должна выноситься за скобки разница

© Шавеко Н.А., 2026

между царским самодержавием, советским Политбюро и нынешним политическим режимом), а также отдельные черты экономики (например, завязанность на природные ресурсы). С учётом изложенного при определении российской цивилизации через те или иные ценностные константы фактор культурных изменений требует серьёзного осмысления и концептуализации. Автором статьи в качестве одного из решений предлагается рассматривать традиционные российские духовно-нравственные ценности в первую очередь не как неизменные характеристики нашего прошлого, через которые раскрывается уникальность России, а как ориентир для будущего, то есть как утверждение новой цивилизационной модели.

Ключевые слова: государство-цивилизация; православие; цивилизационный подход; русская идея; русская душа; традиционные ценности

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (проект № 23-075-67362-1-0409-000410).

Russian Civilization in Theory and Practice: The Founders of the Civilizational Approach and Contemporary Reality

Nikolai A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: nickolai_91@inbox.ru

Received 26.01.2026, revised 04.03.2026, accepted 20.03.2026

Abstract. The foundational theorists of the civilizational approach – Nikolai Danilevsky, Oswald Spengler, and Arnold J. Toynbee – each advanced distinct visions of Russia’s civilizational features. While their perspectives diverge in significant ways, a synthesis of their views identifies several core attributes, such as 1) autocracy; 2) traditional consciousness; 3) collectivism; and 4) a distinctive Russian soul. However, an examination of contemporary Russian society reveals that many of these postulated characteristics are either missing or have been fundamentally transformed. For instance, although the majority of Russians consider themselves Orthodox, the role of religion in their daily lives is far from decisive, and its significance fades in comparison to its influence in earlier historical periods. Spiritually, Russians largely exhibit traits typical of a modern, secular society. Similarly, collectivism is unlikely considered a defining feature, at least in its traditional forms. Collective responsibility has long been regarded as an anachronism, collective labor (such as the rural commune or the Soviet era collective farm) have virtually disappeared, and the extended family has been replaced with a small nuclear one. While a strong family remains a key value, this assertion is contradicted by high divorce rates; in any case, the patriarchal family structure is relic of the past. Among the classic civilizational attributes, only *autocracy* – albeit with critical distinctions between czarism, Soviet politburo, and contemporary political systems – and certain resource-dependent economic features find resonance in modern Russia. Consequently, any attempt to define Russian civilization through certain

value constants must seriously account for the factor of profound cultural changes which requires reflection and conceptualization. This article suggests that a potential resolution lies in re-conceptualizing traditional Russian spiritual and moral values. Rather than viewing them as immutable characteristics of a historical past that reveal a unique essence, they should be considered primarily as guidelines for the future – i.e. as the foundation for establishing a new civilizational model.

Keywords: state-civilization; Orthodoxy; civilizational approach; Russian idea; Russian soul; traditional values

Acknowledgements: The research was funded by a grant provided as subsidies from the federal budget for implementing major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 23-075-67362-1-0409-000410).

For citation: Shaveko N.A. Russian Civilization in Theory and Practice: The Founders of the Civilizational Approach and Contemporary Reality, *Antinomies*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 90-108. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2026_26_1_90

Понятие «цивилизационного подхода» многогранно, но обычно под ним понимают представление, согласно которому развитие человечества происходит в рамках и под определяющим влиянием больших культурных общностей, именуемых цивилизациями. Своим акцентом на культурных факторах и, как правило, циклическим восприятием истории цивилизационный подход противопоставляется формационному подходу, черпающему свои основания в философии К. Маркса. К основоположникам цивилизационного подхода обычно относят Д.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. Все три автора в своих трудах дали подробную характеристику множества цивилизаций, в том числе и той, к которой они относили Россию.

В рамках настоящей статьи будет исследован не сам цивилизационный подход, а взгляды основоположников такового на «цивилизационные» особенности России. Эти особенности далее мы сопоставим с культурными характеристиками современной России. Актуальность такого сравнительного анализа обуславливается современным позиционированием России как отдельной цивилизации, покоящейся на некоторых традиционных ценностях. Целью исследования, в свою очередь, является проблематизация такого позиционирования. При этом необходимо сразу оговориться, что речь не идёт об оспаривании самой возможности применения цивилизационного подхода к анализу российского общества, или же об оспаривании наличия у современных россиян ценностных традиций, достойных сохранения и укрепления. Напротив, такое оспаривание автор статьи полагает безосновательным. Цель статьи гораздо более скромная: показать, что для вышеуказанного позиционирования России явно недостаточно обращение к её характеристикам в трудах основоположников цивилизационного подхода, а также обозначить некоторые вопросы, нуждающиеся в дальнейшей научной проработке.

Безусловно, к настоящему моменту цивилизационные исследования продвинулись далеко вперёд, а потому критика первопроходцев может не без основания показаться слишком лёгким и неактуальным занятием.

Однако настоящая статья практически не содержит такой критики: к трудам основоположников цивилизационного подхода мы будем обращаться в первую очередь потому, что в них встречается более или менее обстоятельная характеристика современной им «русской цивилизации». Таким образом, не стоит самостоятельной задачи критиковать концепции Данилевского, Шпенглера и Тойнби.

Проблема же видится в том, что в современной отечественной литературе, как отмечают исследователи (Гранин 2020: 80–81), цивилизации чаще всего понимаются в качестве «ставших» (неизменных), а не «становящихся» исторических структур. При таких обстоятельствах факт культурных изменений, как представляется, требует дополнительного осмысления и концептуализации. Это проявляется и на примере позиционирования России как отдельной цивилизации, зарождение которой относится к далёкому прошлому. Соответствующей проблемы, как представляется, не возникло, если бы цивилизация (русская, в частности) понималась как некоторое макроуровневое социокультурное образование без привязки ко многовековым «константам», «культурным кодам» и т.д. В этом случае цивилизация могла бы стремительно изменяться, оставаясь собой (как изменяется любое общество, при этом оставаясь тождественным самому себе). Но именно сочетание цивилизационного позиционирования с традиционными (т.е. сохраняющимся в ходе истории) ценностями и иными культурными характеристиками при учёте исторических реалий нуждается в дополнительном теоретическом обосновании. В этом случае определение цивилизации через культурные характеристики неизбежно приводит к выводу, что с их утратой прекращает существование и цивилизация как таковая. Так, например, русская цивилизация будет признаваться существующей постольку, поскольку сохраняется некий набор культурных (в том числе ценностных) её особенностей. Однако, как будет показано ниже, те уникальные черты России, которые можно было выделить во времена Данилевского, Шпенглера, а затем и Тойнби (и которые данные авторы выделяли), к настоящему времени по большей части утрачены. Соответственно, приходится либо обосновывать наличие констант, которые указанными авторами замечены не были, либо искать иные способы определения русской цивилизации.

Россия в трудах основоположников «цивилизационного подхода».

Н.Я. Данилевский в своём фундаментальном труде «Россия и Европа» (1869) использовал не понятие цивилизации, а понятие культурно-исторических типов (далее – КИТ). По его мнению, уникальность каждого культурно-исторического типа может быть охарактеризована с точки зрения достижений в четырёх областях: религия, политика, экономика и собственно культура (которая включает науку, искусство, технику). Применяя данные критерии к славянскому культурно-историческому типу, Данилевский указывает на следующее:

1) в религиозном плане славянский КИТ отличается православной верой, при этом «религиозная деятельность русского народа была по преимуществу охранительно-консервативной» (Данилевский 2008: 578), а религия в целом играет существенную роль;

2) в политическом отношении русское государство на протяжении своей истории постепенно расширялось, но, по мнению автора, всё же якобы не является «завоевательным» (Данилевский 2008: 33–58). При этом у России никогда не было колоний в том смысле, что поселенцы Сибири неизменно сохраняли тесную связь с Москвой, а потому государство оставалось единым (Западу же свойственны тенденции к децентрализации и плюрализму). В свою очередь русский народ обладает высоким уровнем политического сознания, имеет способность и привычку повиноваться, уважать власть и доверять ей, лишён какого-либо властолюбия и не считает необходимым вмешиваться в то, относительно чего считает себя некомпетентным, однако способен и к бунту, например если сомневается в законности царя, либо если недоволен крепостным гнётом;

3) экономически Россия характеризуется земледелием и ресурсодобывающими отраслями, а также общинным укладом (на Западе же развиты промышленность, торговля и индивидуализм);

4) в культурном плане «совершённое до сих пор русским и другими славянскими народами в науках и искусствах – весьма незначительно в сравнении с тем, что сделано двумя великими культурными типами: греческим и европейским», чему причиной «сравнительная молодость» славянских народов, «недавность вступления на поприще исторической деятельности и неблагоприятные в этом отношении обстоятельства их развития» (Данилевский 2008: 593). Так или иначе, Данилевский полагает, что, в отличие от западной культуры, которая характеризуется стремлением к индивидуализму, рационализму и материальному прогрессу, русская культура ориентирована на коллективизм, духовность и нравственность.

О. Шпенглер, характеризуя Россию (русско-сибирскую, ещё якобы только зарождающуюся культуру) во втором томе «Заката Европы» (1922), говорит о псевдоморфозе – восприятии Россией внешних западных форм, чуждых исконной «русскости», что порождает такие дихотомии, как религия – светскость, крестьянство – города/буржуазия, внеисторичность – историчность и т.д. (Здесь он по сути вторит Данилевскому, согласно которому «прививка» элементов чужой цивилизации ни к чему хорошему не приводит.) Чуждыми России по Шпенглеру оказываются «поздние искусства и науки, просвещение, социальная этика, материализм», также «государство с его цивилизованной дипломатией, судопроизводство и администрация» (в этом смысле и Пётр I и Ленин – западники, чуждые всему русскому).

Носителем же русской души Шпенглер считает Достоевского: «Такая душа смотрит поверх всего социального. Вещи этого мира представляются ей такими маловажными, что она не придаёт их улучшению никакого значения» (Шпенглер 1998: 197–201). С антибуржуазным характером русской души автор связывает и преимущественно аграрное хозяйство страны.

Истоки особого духовного опыта и миропонимания русских Шпенглер усматривает в православии и пространственном сознании. Так, широкая территория и протяжённость российского государства, по Шпенглеру, формируют особую «пространственную душу», стремящуюся преодолеть расстояния и границы, смиренную и стойкую, но склонную к рабству (Spengler

1933а: 2). (И поскольку русский человек всегда смотрит вдаль, а не вверх, Шпенглер даже заявляет: «Русский астроном – ничего более противоестественного быть не может» (Шпенглер 1998: 307).) Влияние православной веры, в свою очередь, определяет глубокую духовность россиян, стремление к созерцательной жизни и осознанию вечных ценностей. По сравнению с западноевропейской культурой, ориентированной на рационализм и материализм, русский человек живёт ощущением божественного присутствия и внутренней гармонии; «мышление деньгами» для него грех (Шпенглер 1998: 528).

Одной из черт русской души, согласно Шпенглеру, является чувство общинности и солидарности: люди объединены крепкими социальными связями, основанными на взаимопомощи и поддержке (семья, община), что резко отличает русскую культуру от западного индивидуализма. Так, рассуждая о русском мироощущении, Шпенглер утверждает, что для него «не существует никакого “я”», приводя в пример фразу из Достоевского: «Все виноваты во всём» (Шпенглер 1998: 307). Кроме того, выражением «русскости» Шпенглер называет «примитивный московский царизм» (Шпенглер 1998: 197).

Интересно, что в более позднем труде «Годы решений» (1933) Шпенглер стал воспринимать большевиков уже не как европейцев, а как азиатов (вторых золотоордынцев), «отвоёвывающих» Россию после того, как её аннексировала Европа в лице Петра I (Spengler 1933b: 43).

Наконец, А. Тойнби в своём «Постижения истории» (1934–1961) выделяет православно-христианское, или византийское общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России. Однако его характеристика данного общества существенно отличается от шпенглеровской. Так, вестернизацию, предпринятую сначала Петром I, а затем и большевиками, он рассматривает как сознательный и добровольный акт, представляющий собой рациональный ответ на западную угрозу, а не как нечто чуждое (при этом он также отмечает роль православной церкви как хранителя достижений античной философии и науки). Кроме того, мыслитель скептически относится к утверждению, что цивилизационные особенности определяются природной средой. Так, «гипотеза, согласно которой своеобразие православного христианства – продукт русских лесов, рек и зимы, может быть опровергнута указанием на то, что аналогичные условия не породили цивилизации в Канаде» (Тойнби 2010: 104), хотя природные условия, безусловно, определяют экономический уклад; территориальную экспансию Тойнби вообще интерпретирует как признак упадка.

Впрочем, Тойнби согласен с мыслью, что Россия лишь внешне копирует западные образцы. Так, петровские реформы, в конечном счёте, привели только к укреплению крепостничества и царизма, что в перспективе послужило тормозом развития; советский проект также очень сильно отклонился от первоначальных западных коммунистических идей (умерев в 1975 г., Тойнби не застал кризис плановой экономики, тоже в итоге ставшей тормозом развития). Особенность русской культуры Тойнби видит в том, что она использует западные ереси, заявляя при этом о своём духовном

(идеологическом) первенстве (православие против католичества и протестантизма, коммунизм против капитализма) (Тойнби 2011: 257–261).

По мнению Тойнби, одной из ключевых характеристик православной цивилизации является церковь, подчинённая государственной власти и обеспечивающая её стабильность и легитимность (Тойнби 2010: 330–331; Тойнби 2011: 169–171). Британский историк пишет, что для русского человека «церковь может быть хоть христианской, хоть марксистской, лишь бы она служила интересам государственного управления» (Тойнби 2011: 173). Укрепляя авторитет монархов, православие тем самым препятствовало развитию гражданского общества и демократии. В заключительных томах «Постижения истории» (написанных в разгар «холодной войны») он едко отмечает терпимость русского народа к царизму и коммунизму, которые суть тоталитаризм. Правда, он признаёт, что такое положение дел – это отчасти следствие давления извне.

Подводя итог краткому изложению взглядов Данилевского, Шпенглера и Тойнби относительно той культурно-исторической общности, ведущую роль в которой занимает Россия, можно сформулировать следующие особенности таковой:

- 1) автократия;
- 2) традиционность устоев;
- 3) коллективизм в сознании и на практике;
- 4) особый характер русской души (ориентированность на нематериальное и вечное, созерцательность, смирение и покорность, стойкость и т.п. качества).

Следует отметить, что каждый отдельный автор обращал внимание лишь на некоторые из указанных признаков, а приведённый перечень является обобщением взглядов трёх авторов в той части, в которой они не противоречат друг другу.

Ещё одной особенностью России, согласно всем указанным выше авторам, является то, что она внешне похожа на Запад, постоянно взаимодействует с ним, но при том сущностно отличается от западных стран. Эта двойственность не случайна, однако является не столько культурной особенностью России, сколько следствием самой методологической установки представителей цивилизационного подхода, заключающейся в противопоставлении России и Запада как различных цивилизаций. Суть здесь в следующем. Достаточно легко ответить на вопрос, чем Россия отличается от стран Запада. Но не менее легко ответить и на вопрос, чем Польша отличается от Испании, а Испания – от США. В свою очередь такие авторы, как Данилевский, Шпенглер и Тойнби, изначально руководствуются постулатом, согласно которому Россия – это центр особой цивилизации, отличающейся от западной, и уже в подтверждение данного постулата начинают выискивать те или иные особенности России, и одновременно – общие культурные признаки западных стран. Тем самым данные авторы впадают в распространённую предвзятость подтверждения (confirmation bias). В действительности же культурных различий предостаточно не только у множества граничащих друг с другом стран, но зачастую и у двух людей, живущих

по соседству; вместе с тем, у них будет и немало сходств. Проведение разграничительной линии между двумя культурами нередко является произвольным. Именно такая произвольность, как представляется, и проявляется у основоположников цивилизационного подхода, не сумевших показать, что те различия России и Запада, о которых они говорят, действительно являются сущностными, то есть имеющими определяющее значение. Так или иначе, поскольку между Россией и Западом есть также заметные сходства, постольку вышеприведённые авторы обозначают их как внешние, несущественные, случайные и т.п. С учётом изложенного, «внешнюю» похожесть России на Запад и «сущностную» несхожесть с ним следует считать не какой-то особенностью России, а скорее неизбежным следствием самого методологического подхода авторов, предпринимающих попытки отделить Россию от Запада и придать такому делению наибольшую значимость.

Современная Россия. Итак, мы выявили особенности, которые приписывали России основоположники так называемого цивилизационного подхода. Мы не оценивали соответствие мнений этих авторов современной им действительности, а просто приняли за истину то, в чём данные мнения совпадали. Вследствие того акцент был сделан не на сравнительном анализе их мнений, а на обобщении (синтезе) этих взглядов. В результате был получен перечень признаков «российской цивилизации». Однако с учётом возросшего интереса к цивилизационному подходу представляется целесообразным проанализировать, насколько указанные выше особенности распространены именно в нынешней России. Иными словами, мы бы хотели ответить на следующий вопрос: если даже когда-то Россия культурно отличалась от Запада рядом признаков, то насколько эти отличия релевантны современности? Дело в том, что цивилизация обычно рассматривается как культурно-историческая общность, то есть как общество, не просто обладающее некоторыми культурными особенностями, но имеющее особый исторический путь, вследствие чего появляются основания говорить о традиционных ценностях, свойственных этому обществу. Проблема в том, что культурные характеристики изменяются с течением времени, а значит, может возникнуть ситуация, при которой культурные границы, разделявшие те или иные общества, начинают проходить совершенно иначе. В этом случае возникает вопрос о корректности прежних представлений о цивилизациях. Чтобы сохранить предыдущие разграничения (например, противопоставление российской и западной цивилизаций), в новых исторических обстоятельствах приходится выявлять новые культурные особенности. Но тогда мы имеем дело с упомянутой выше предвзятостью подтверждения: желая найти различия двух обществ, мы их обязательно находим, и на этом основании говорим о сохранении цивилизационных отличий, одновременно игнорируя вновь возникшие сходства, которые наверняка также будут существовать. Другой вариант осмысления культурных изменений состоит в том, чтобы признать смерть прежних цивилизаций и возникновение на их месте новых, с новыми границами и новыми характеристиками. Вероятно, в этом ключе следует трактовать позицию Ю.Д. Гранина, согласно которой российская история представляет собой

смену «нескольких цивилизационных типов развития», а именно: «православная цивилизация» Московского царства (XVI–XVII вв.), «цивилизационная псевдоморфоза» империи Романовых в XVIII и середине XIX века, «гибридная цивилизация современного типа» России кануна Первой мировой войны и «советская цивилизация», представлявшая альтернативный Западу тип современного развития» (Гранин 2021). Если так, то Данилевский, Шпенглер и Тойнби застали, по сути, три разные цивилизации. Ниже будут продемонстрированы культурные изменения, свойственные современной России. Это делается для демонстрации того, что эти культурные изменения проблематизируют само понятие российской цивилизации как культурно-исторической общности, поскольку если прежние характеристики российской цивилизации нерелевантны сегодняшнему дню, для сохранения соответствующего понятия мы должны либо впасть в предвзятость подтверждения, выискивая новые отличия России от Запада, либо утверждать, будто сегодня существуют совершенно иные цивилизации на месте тех, о которых писали Данилевский, Шпенглер и Тойнби (если следовать тому же Ю.Д. Гранину, то современная Россия представляет собой не столько цивилизацию, сколько «цивилизационный гибрид» архаики, советского прошлого и западной современности, а ценностно-смысловое ядро новой цивилизации ещё только предстоит сформировать (Гранин 2021: 96)).

Несколько слов о теоретико-методологических предпосылках излагаемого ниже исследования. Мы исходим из того, что любая характеристика той или иной цивилизации на сегодняшний день должна быть подтверждена надёжными эмпирическими данными. Вместе с тем, сложно требовать такого же уровня обоснования от мыслителей предшествующих эпох, ведь сама социологическая наука в те времена не была достаточно развита, а необходимые статистические данные либо отсутствовали, либо были недоступны независимым исследователям. Именно поэтому выше мы не стремились оспорить характеристики российской цивилизации, сформулированные основоположниками цивилизационного подхода. Однако, когда речь идёт о современной России, нельзя не обращаться к эмпирико-социологическому уровню, иначе исследование попросту потеряет статус научного.

Верования и убеждения. Начнём с православной веры и – в более широком плане – идеологической сферы.

Согласно социологическим опросам (здесь стоит отметить, что данные ФОМ, ВЦИОМ, ИСПИ РАН и признанного российскими властями иностранным агентом «Левада-центра» порой сильно отличаются, поэтому мы будем говорить лишь об общих тенденциях)¹, в самом начале 1990-х гг. православными себя считали около 1/3 жителей России, но уже к 2003–2004 гг. их доля перевалила за 2/3, и с тех пор даже по самым «пессимистичным прогнозам» не была меньше 65 % населения, по некоторым же данным иногда достигая 80 %. Эти сведения, казалось бы, свидетельствуют о возрождении в современной России православной традиции. Но не следует забывать, что количество тех, кто соблюдает все православные посты или регулярно посе-

щает церковные службы, в Российской Федерации вряд ли когда-либо превышало 5 % от населения. В то же время, данные «Левада-центра» (которого Минюст РФ считает иностранным агентом) показывают, что количество жителей России, для которых религия играет важную роль в жизни (основную или достаточно значительную) с начала 1990-х гг. увеличивалось, и к 2024 г. впервые в новейшей истории превысило 50 %. Таким образом, сегодня мы наблюдаем амбивалентную картину. С одной стороны, большинство жителей России считают себя православными, тем самым наследуя традицию, существовавшую в Древней Руси, Московии и Российской Империи. С другой стороны, 45 % сегодняшних россиян отмечают, что религия не играет в их жизни существенной роли. И в этом смысле, на фоне характеристики, приданной России Данилевским и Шпенглером, сегодняшних россиян (или даже только русских) сложно назвать достаточно религиозными.

На самом деле проблемы с этой характеристикой возникли уже применительно к советскому периоду нашей истории, когда официальной идеологией стал коммунизм, а православие, как и любая другая религия, притеснялось. Однако в современном российском обществе поддержка коммунистических партий в целом невелика. Популярность социалистических идей заметно выше: по некоторым оценкам им симпатизируют до 2/3 населения². Так или иначе, представляется очевидным, что коммунизм в современной России ещё в меньшей степени, чем православие, претендует на статус «идеологической скрепы». Смена православия коммунизмом в своё время заставила Тойнби искать параллели между ними. Но сходство он нашёл лишь в тесной связи между государством и религиозно-идеологической сферой общества, то есть в особом институциональном устройстве (с его точки зрения, россияне на самом деле верят в «интересы государства» (Тойнби 2010: 330–331; Тойнби 2011: 169–173), хотя стоит заметить, что те же славянофилы выступали как раз против «огосударствления» церкви!). Более глубокий анализ можно встретить у Н.А. Бердяева, который в 1930-х гг. обратил внимание на то, что в СССР коммунизм, с его акцентом на социальной справедливости, жертвенности и аскетизме, приобрёл религиозное значение, выступив своего рода мессианской идеей, подобно прежней идее Третьего Рима (Бердяев 1990b). Во всяком случае, сегодня нам следует, как минимум, учитывать действующую Конституцию, защищающую идеологическое многообразие, да и ценности самих россиян, для которых плюрализм мнений давно стал новой нормой. Мессианское предназначение простым

---

¹ См.: Габдуллина Э. Пост приняли : Православных россиян стало меньше, но они оказались тверже в вере, 18.03.2024 // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6578502> (дата обращения: 12.12.2025); Празднование Пасхи и религиозные предпочтения россиян, 27.04.2024 // Левада-центр : Аналит. центр Юрия Левады. 27.04.2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/04/27/prazdnovanie-pashi-i-religioznyepredpochteniya-rossiyan/> (дата обращения: 12.12.2025).

² Каюгин А. Россияне больше всего симпатизируют социалистической идеологии, на втором месте – консерватизм, на третьем – либерализм. Изучаем идеологические предпочтения россиян, 26.02.2024. URL: <https://siapress.ru/blogs/127518-izuchaem-ideologicheskie-predpochteniya-rossiyan> (дата обращения: 12.12.2025).

народом также рассматривается скорее как маргинальная идея (в отличие от идеи «великой державы»), не предполагающей воплощения никакой особой вселенской миссии). Таким образом, современная Россия в любом случае стоит особняком. Более того, попытки найти связи православия и коммунизма, которые бы оправдывали статус России как особой цивилизации, характеризующейся исторической преемственностью ценностей, выглядят не слишком убедительно. Конечно, в основе и православия, и коммунизма находятся некоторые общечеловеческие ценности, но этого явно недостаточно. Стоит добавить, что ни православие, ни коммунизм не имеют необходимой связи с мессианским сознанием: такая связь проступала лишь в относительно короткие периоды истории, причём исключительно по инициативе государства.

В целом относительно содержания верований наших предков можно констатировать, что они претерпели сильные изменения за последние 150–200 лет, поэтому здесь уместнее говорить о радикальных разрывах традиции (сначала в 1917 г., а потом в 1991 г.), чем о преемственности. Современные россияне придерживаются самых разных верований и взглядов (Левашов 2022: 69), но по большому счёту принадлежат к светской культуре. Вопреки Шпенглеру, россияне оказались не чуждыми просвещению, светским искусствам и наукам, социальной этике и материализму, а российскому государству оказались не чужды такие «секулярные» институты, как дипломатия, судопроизводство и администрация. Это, конечно, не означает, будто россияне разделяют некую «западную» культуру и не имеют культурных особенностей, но показывает, что в духовном плане россияне соответствуют типичным характеристикам современного общества, а противопоставление «модернового Запада» и «традиционной России» совершенно точно не релевантно сегодняшнему дню. Так, согласно знаменитой «культурной карте Инглхарта-Вельцеля», в России секулярные ценности преобладали над традиционными на протяжении всей постсоветской истории, и по этому показателю Россия находилась на уровне не ниже многих европейских стран³.

Коллективизм. Что касается такой характеристики российского/русского сознания, как коллективизм, то для определения того, насколько она свойственна современным россиянам, важно уточнить её смысл.

Например, одним из главных проявлений коллективизма в Древней Руси можно считать коллективную ответственность (будь то перед Богом или перед земной властью). Однако уже в XVII веке здесь начинаются изменения, обусловленные как возрастанием значимости индивидуального начала, так и попытками построить эффективное «регулярное государство». Сегодня идея коллективной ответственности по большей части считается анахронизмом.

Другим воплощением коллективизма можно считать коллективный труд и коммунальную собственность. В этом отношении следует конста-

³ См. <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 12.12.2025).

тировать, что если раньше первичной хозяйственной единицей являлась сельская община, а позднее – колхоз, то теперь экономика устроена совершенно иначе, и основными её акторами являются домохозяйства, фирмы и государство, причём частная собственность преобладает. Существенный удар по сельскохозяйственной общине нанесла ещё в начале XX века столыпинская аграрная реформа; что касается советских колхозов, то они изначально создавались под нужды индустриализации, и по завершению последней, повлекшей также урбанизацию, роль колхозов в экономике изменилась, а с крушением СССР колхозы и вовсе отжили свой век. Сегодня доминирующим является представление о неэффективности коллективного хозяйства, поскольку оно убивает частную инициативу, и государство учитывает это обстоятельство в своей политике.

Если говорить о некоммерческих общественных организациях (гражданском обществе) как определённой форме коллективизма, то в России подобные организации не пользуются широкой популярностью, что обусловлено низким уровнем социального капитала (Аузан 2017: 101–103), а также политикой российского государства. Российское общество вследствие этого чрезвычайно атомизировано. Развитое гражданское общество вполне можно рассматривать как особую форму «коллективизма». Эта форма свойственна, в первую очередь, западным странам. Соответственно, в данном конкретном смысле западные страны гораздо более «коллективистичны», чем Россия.

Наконец, ещё одним проявлением коллективизма можно считать так называемую большую семью. Специалисты отмечают: «В России больше, чем в странах Западной Европы, задержалась большая, неразделённая семья – *расширенная* (т.е. состоящая из одной супружеской пары и других, не являющихся супругами родственников разной степени близости, – овдовевших родителей и прародителей, неженатых детей, внуков, правнуков, дядьёв, племянников и т.д.) и *составная* (имеющая в своём составе несколько супружеских пар и, так же как и расширенная семья, других родственников)» (Вишневский 2008: 6). Однако в XX веке, под влиянием индустриализации и урбанизации, семья в России стала нуклеарной. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., средний размер домохозяйства составляет 2,2 человека, а средний размер семейной ячейки – 2,7 человека⁴. В рамках второго демографического перехода ушла в прошлое и многодетность: по данным той же переписи, среднее число детей, приходящихся на одну женщину – 1,5⁵. При таких обстоятельствах большей семье взяться попросту неоткуда.

Таким образом, какой бы аспект коллективизма мы ни взяли, он к настоящему времени оказывается утраченным. Часто также утверждается, что семья в России обладает высокой ценностью. Действительно, если верить

---

⁴ Росстат – Итоги ВПН-2020. Т. 8. Число и состав домохозяйств. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyaistv (дата обращения: 12.12.2025).

⁵ Росстат – Итоги ВПН-2020. Т. 9. Рождаемость. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 12.12.2025).

данным ВЦИОМ, крепкая семья – это ключевая ценность для 2/3 россиян⁶. Однако для социологов давно не секрет, что слова людей часто расходятся с их делами. Статистика разводов (по данным того же ВЦИОМ, на 10 браков приходится 8 разводов, и по этому показателю Россия вышла на третье место в мире⁷) как минимум отчасти показывает склонность людей скорее к индивидуализму, чем к уступкам ради общего блага (хотя конечно, разводы обусловлены массой самых разных причин). К тому же, пусть коллективистская модель семьи (когда интересы семьи ставятся выше её отдельных членов) и остаётся господствующей, но в последние годы всё же утрачивает позиции (Рыбальченко 2024: 15). Патриархальный характер семьи также давно утрачен, что ставит под сомнение другую черту русской культуры, отмечавшейся основоположниками цивилизационного подхода – традиционный характер (например, равенство мужчины и женщины уже относится к разряду самоочевидных).

Автократия. Относительная неразвитость в России гражданского общества (которое представляет собой форму коллективизма, распространённую на Западе) позволяет перейти к следующей характеристике России в рамках цивилизационного подхода, а именно к сильной централизованной власти (поскольку именно она зачастую препятствует проявлению частной инициативы, пытаясь подмять под себя гражданское общество). Однако и здесь нельзя сказать, что за последние полтора столетия не произошло никаких изменений. Конечно, демократия западного типа в России не прижилась (хотя вечевые республики и земские соборы демонстрируют, что народовластие не чуждо приписываемой нам традиции); российский федерализм также имеет свои проблемы. И всё же нельзя не видеть разницы между самодержавием, властью советского Политбюро и нынешней персоналистской автократией.

Неясно, воспримет ли Россия западную модель демократии в будущем; так или иначе, в научной литературе как фактор модернизации рассматривается всё же не «цивилизационная предрасположенность», а рост богатства и образованности граждан, развитие среднего класса и т.п. факторы (Acemoglu, Robinson 2006). Следовательно, сам по себе патернализм (доверие к власти и т.п. формулировки), часто приписываемый российским гражданам, – это явно не тот «культурный код», который способен всерьёз повлиять на дальнейшее развитие политической системы России.

Необходимо, впрочем, различать автократию как объективное явление и как ценность: если российской цивилизации свойственна автократия, это не означает, что таковы ценности самих россиян. Так, согласно социологическим исследованиям, сегодня большинство россиян считают демократию подходящей для России, и им важно, чтобы в России демо-

⁶ ВЦИОМ. Новости: Семья как ценность, 24.01.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 12.12.2025).

⁷ ВЦИОМ: восемь из десяти браков в РФ в 2024 году распались, 18.12.2024 // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22702277> (дата обращения: 12.12.2025).

кратия устоялась⁸, тогда как раньше важным для народа являлись наследственные права царя на престол. Политический плюрализм, многопартийность, свобода слова воспринимаются сегодня массовым сознанием как нечто нормальное, пусть даже в политической практике данные явления всё ещё находят крайне ограниченное выражение.

Согласно данным Г. Хофстеде, в России крайне высокий индекс дистанции власти, то есть иерархичность обычно ожидается и принимается членами общества. Однако, как представляется, это говорит не столько о ценностях, сколько о прагматичности россиян: они понимают, чего ожидать в будущем, с чем бессмысленно бороться, и в данном отношении воспринимают указанные обстоятельства как «норму». Если так, то необоснованным, например, является тезис Н.А. Бердяева о том, что русский народ якобы желает отдать все силы на построение огромного и мощного государства, а потом вручить себя этой власти (Бердяев 1990а: 7). На самом деле доминирование государственной бюрократии над сообществами и индивидами может вообще не быть связанным с желаниями людей, всего лишь подстраивающихся под объективные обстоятельства (и в этом смысле русским присуща скорее мечта «анархичности», о которой Бердяев тоже говорит). То же самое можно сказать, например, о правовом нигилизме, якобы свойственном российскому обществу: во-первых, многие исследования показывают, что в России есть готовность к принятию закона как основного социального регулятора (Тихонова 2011: 21–23; Латова 2016: 174), во-вторых, известное пренебрежение законом, вероятно, вызвано не столько ценностными установками россиян, сколько их прагматичным пониманием текущих реалий (что закон часто антинародный, что существует он «не для всех», что суды не являются независимыми и т.п.). Выражения типа «суровость законов компенсируется их неисполнением» или «закон что дышло – куда повернёшь, туда и вышло» возникли не на пустом месте. Россияне, очевидно, не против правового государства, но они не уважают закон явно несправедливый и/или функционирующий в условиях коррупции. В связи с этим представляется интересным следующее наблюдение А. Аузана: «Когда в США говорили, что бежал каторжник, то ещё до приезда шерифа или появления полиции люди сами брали в руки винчестеры и шли его ловить, а при случае и сами с ним разбирались. В России картина полностью противоположная: в Сибири долгое время выкладывали хлеб, воду и молоко для беглых. Ведь он же несчастный человек, он попал под гнёт государственной машины, он, может, вообще не виноват, не душегуб никакой» (Аузан 2017: 35–36). Таким образом, нельзя говорить о том, что русские принимают навязываемый государственной машиной порядок: напротив, они пытаются всячески его

---

⁸ О демократии. Подходит ли России такая форма государственного правления, как демократия? 17.12.2020 // Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/TSenosti/14519> (дата обращения: 12.12.2025). За более ранние периоды см., напр.: Самая недемократичная страна. Россиянам демократия нравится только в теории, 14.01.2008 // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2008/01/14_a_2553902.shtml (дата обращения: 12.12.2025).

обойти, скрыться от него; демократичность же государства могла бы пробудить и большее уважение к закону.

Особая русская душа. В заключение следует кратко прокомментировать широко распространённый у сторонников цивилизационного подхода (а равно у огромного количества русских философов) тезис о существовании особой «русской души». Представляется, что подобные суждения, как правило, слишком аморфны для возможности их эмпирической проверки. Если же они формулируются более или менее чётко, то приводимые характеристики русского человека зачастую могут быть применены и к представителям других народов.

Во всяком случае, нельзя не заметить, что существует несколько интересных научных наблюдений, которые коррелируют с популярными представлениями о «русской душе». Например, согласно Г. Хофстеде, российская культура на шкале маскулинности (напористость, следование плану, ориентация на достижения и т.п.) / феминности (адаптивность, компромисс, забота и т.п.) характеризуется в большей степени феминностью, и это коррелирует с представлениями Розанова и Бердяева о русской душе как о «бабьей», тезисом И.А. Ильина о «созерцательности» русской души, усмотренным В.С. Соловьёва в самопожертвовании основной характеристики русской души, а также с утверждениями Данилевского и Шпенглера о терпимости/безвольности русских. Впрочем, по Хофстеде, хоть у россиян и превалирует феминность, но нельзя сказать, что она полностью доминирует над маскулинностью. К тому же, не следует связывать феминность в понимании Хофстеде (который в 2024 г. переформулировал этот критерий как «отсутствие стремления к достижениям и успеху») с преклонением перед внешней властью или стремлением раствориться в коллективе.

В контексте особой ценностной основы русской культуры можно было бы также рассмотреть часто звучащие среди либерально-демократической оппозиционной общественности утверждения об «имперском сознании» россиян, которые якобы готовы отказаться от централизованной канализации в пользу выгребных ям, лишь бы Россия стала «великой». Однако даже если бы эти утверждения были верными, они не свидетельствовали бы об особой духовности русского народа, поскольку, как говорил Сесиль Родс, империя – это вопрос желудка (Ленин 1952: 136). Иными словами, «имперское сознание» свидетельствует не об особой духовности (пренебрежении к материальному ради некоторой идеи и т.п.), а о тоске по утраченному государственному величию, которое, в свою очередь, обеспечивало безопасность и процветание, то есть как раз «материальные» ценности. Таким образом, имеются основания сомневаться в особой духовности россиян.

Некоторые утверждения о русской душе исторически вообще обернулись курьёзом, как, например, вышеприведённое суждение Шпенглера об устремлённости русской души вширь, а не вверх, и о противоестественности «русского астронома»: русские философы-космисты (Фёдоров, Циолковский и др.), авиаконструкторы (Можайский, Сикорский и др.) и, наконец, сам факт того, что советский народ первым покорил космос – всё это показало, насколько умозрительными могут быть суждения о «русской душе».

Выводы. Подводя итог приведённому выше двустороннему анализу, можно заключить следующее. Во-первых, особые характеристики России у представителей цивилизационного подхода не слишком объёмны и конкретны. Кроме того, характеристики России в трудах Данилевского, Шпенглера и Тойнби зачастую не совпадают. Но если суммировать взгляды трёх указанных авторов в той части, где между ними отсутствуют противоречия, то вполне возможно составить перечень культурных (в широком смысле) особенностей той цивилизации, к которой они причисляют Российскую Империю и Советский Союз. Этот вывод, конечно, не должен удивлять: уникальные культурные особенности можно найти абсолютно у любой страны. Во-вторых, те характеристики России, которые отмечаются основоположниками цивилизационного подхода, к настоящему моменту во многом утрачены. Иными словами, даже если раньше можно было говорить о некоей культурно-исторической общности, характеризующейся традиционными ценностями, формами социальной жизни и другими устоями, то относимость современной России к этой культурно-исторической общности находится под сомнением: многие традиции попросту прервались в процессе модернизации, и возврат к ним вряд ли будет привлекательным в глазах подавляющего большинства граждан (равно как и сохранение некоторых имеющих место традиций). Сказанное не означает, что ни одна из особенностей России, отмеченная основоположниками цивилизационного подхода, не дожила до современности. Так, например, некоторые из них отмечали ресурсоориентированный характер российской экономики, и сегодня высокая значимость природных ресурсов для российского бюджета и относительно низкая технологичность всё ещё остаются проблемой (хотя такая характеристика российской экономики, как её аграрный характер, существовавшая при жизни Данилевского или Шпенглера, давно не актуальна). Сохраняются также авторитарные черты политической системы. Православная религия по-прежнему широко распространена на территории нашей страны. Наконец, объём статьи не позволил сосредоточиться на некоторых признаках коллективистского сознания, свойственных современным россиянам (к примеру, согласно тому же Г. Хофстеде, российская нация чуть больше коллективистичная, чем индивидуалистичная⁹). Но факт в том, что Россия сильно изменилась. И это, как представляется, порождает определённые методологические проблемы, связанные с выделением российской цивилизации как культурно-исторической общности, противопоставленной Западу.

Одним из способов решения указанных проблем могло бы стать развитие философии истории Ф. Броделя, в рамках которой цивилизации определяются как наиболее стойкие из человеческих ассоциаций, основывающиеся на некоторых ментальных структурах, и соотносятся с «временем большой длительности» (Бродель 1977). Впрочем, нельзя не отметить, что в своей «Грамматике цивилизаций» (Бродель 2008: 500–545) данный автор при описании российской истории, к сожалению, избегает чёткой артикуляции тех

---

⁹ URL: <https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/> (дата обращения: 12.12.2025).

структур, которые – по его же собственному замыслу – должны служить отличительным маркером цивилизации, отличающим её от включенных в неё, но менее долговечных исторических обществ. Заметим, что ещё в 60-е гг. XX века П. Сорокин обрушился с критикой на цивилизационный подход, указывая, в том числе, на такие его недостатки, как отсутствие чётких критериев для вычленения цивилизаций и единого основания для классификации, а также наличие трудностей с датированием зарождения и гибели цивилизации (Сорокин 2023). Современные разработки понятия российской цивилизации, как представляется, должны учитывать указанную критику. Однако вряд ли взгляды Броделя свободны от неё.

С учётом того, что по крайней мере те традиционные российские духовно-нравственные ценности, которые определены в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁰, являются по большей части ценностями модерновыми, перспективным может оказаться другой способ разрешения рассмотренных в настоящей статье теоретических трудностей. Этот способ заключается в том, чтобы понимать указанные традиционные ценности не столько как константы, определяющие идентичность российской цивилизации в прошлом, сколько как ценности, которые манифестируются здесь и сейчас, на современном этапе истории, в качестве тех, которые должны стать традиционными для будущих поколений. Безусловно, можно найти проявления указанных ценностей и в российской истории, однако в этом случае мы уже не должны доказывать, что они присутствовали и определяли идентичность России на протяжении всего её существования. При таком подходе отпадает необходимость выявлять и обосновывать в качестве ключевых характеристики России, общие для времён Данилевского, Шпенглера, Тойнби, а также для нашего времени, поскольку речь идёт скорее о цивилизационном проекте будущего развития, о закладывании новых традиций. Сказанное, однако, является предметом для дальнейших дискуссий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аузан А.А. 2017. Экономика всего : как институты определяют нашу жизнь. 4-е изд. Москва : Манн, Иванов и Фербер. 186 с.

Бердяев Н.А. 1990а. Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. Репр. воспроизведение изд. 1918 г. Москва : Филос. о-во СССР. С. 1–29.

Бердяев Н.А. 1990б. Истоки и смысл русского коммунизма. Репр. воспр. изд. УМКА-PRESS, 1955 г. Москва : Наука. 224 с.

Бродель Ф. 1977. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории : сб. статей / общ. ред. и вступ. ст. И.С. Кона. Москва : Прогресс. С. 114–132.

Бродель Ф. 2008. Грамматика цивилизаций. Москва : Весь мир. 545 с. (Тема).

Вишневский А.Г. 2008. Эволюция российской семьи. Кризис семейных ценностей с исторической точки зрения // Экология и жизнь. № 7. С. 4–11. EDN MSUMMZ

¹⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 12.12.2025).

Гранин Ю.Д. 2020. «Цивилизационный подход». Становление и эволюция // Проблемы цивилизационного развития. Т. 2, № 2. С. 65–85. DOI 10.21146/2713-1483-2020-2-2-65-85. EDN OCGDCA

Гранин Ю.Д. 2021. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Проблемы цивилизационного развития. Т. 3, № 1. С. 81–98. DOI 10.21146/2713-1483-2021-3-1-81-98. EDN VKBOEO

Данилевский Н.Я. 2008. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. Москва : Ин-т рус. цивилизации. 816 с.

Латова Н.В. 2016. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. № 4 (19). С. 155–179. DOI 10.19181/vis.2016.19.4.433. EDN XWETNN

Левашов В.К. (ред.) 2022. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52-й этап социологического мониторинга, май 2022 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов. Москва : ФНИСЦ РАН. 91 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022

Ленин В.И. 1952. Империализм как высшая стадия капитализма : популярный очерк. Москва : Госполитиздат. 230 с.

Рыбальченко С.И. (отв. ред.) 2024. Семья и дети в России : спец. докл. Обществ. палаты Рос. Федерации : стат. сборник Росстата / Рыбальченко С.И. (отв. ред.), Коротаев А.В., Ефремов И.А. [и др.] Москва : Обществ. палата Рос. Федерации. 100 с.

Сорокин П.А. 2023. Социологические теории сегодня. Сыктывкар : Анбур. 720 с.

Тихонова Н.Е. 2011. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии. № 3. С. 10–27. EDN PBFDCN

Тойнби А.Дж. 2010. Постигание истории. Москва : Айрис-Пресс. 638 с.

Тойнби А.Дж. 2011. Цивилизация перед судом истории ; Мир и Запад. Москва : АСТ ; Владимир : Астрель. 318 с.

Шпенглер О. 1998. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Москва : Мысль. 606 с.

Acemoglu D., Robinson J.A. 2006. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press. 416 p.

Spengler O. 1933a. *Das Doppelantlitz Russlands und die Deutsche Ostprobleme* // Spengler O. *Politische Schriften*. München : Verlag C.H. Beck. S. 100–115.

Spengler O. 1933b. *Jahre der Entscheidung. I. Teil. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung*. München : Verlag C.H. Beck. 165 S.

References

Acemoglu D., Robinson J.A. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*, Cambridge, New York, Cambridge Univ. Press, 2006, 416 p.

Auzan A.A. *Ekonomika vsego : kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [The Economy of Everything : How Institutions Define Our Lives], 4th ed., Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2017, 186 p. (in Russ.).

Berdyayev N.A. *Dusha Rossii* [The Soul of Russia], *Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti. Repr. vosproizvedenie izd. 1918 g.*, Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990, pp. 1–29. (in Russ.).

Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya YMCA-PRESS, 1955 g.* [The Origin of Russian Communism. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS edition, 1955], Moscow, Nauka, 1990, 224 p. (in Russ.).

Braudel F. *A History of Civilizations*, Moscow, Ves' mir, 2008, 545 p. (in Russ.).

Braudel F. History and the Social Sciences: The Long Duration, *I.S. Kon (ed.), Filosofiya i metodologiya istorii : sb. statey*, Moscow, Progress, 1977, pp. 114–132. (in Russ.).

Danilevsky N.Ya. *Russia and Europe*, Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2008, 816 p. (in Russ.).

Granin Yu.D. “Civilization” and Civilizational Evolution of Russia, *Civilization Studies Review*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 81–98. DOI 10.21146/2713-1483-2021-3-1-81-98. EDN BKBOEO (in Russ.).

Granin Yu.D. “Civilizational Approach”. Formation and Evolution, *Civilization Studies Review*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 65–85. DOI 10.21146/2713-1483-2020-2-2-65-85. EDN OCGDCA (in Russ.).

Latova N.V. Russians' Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede's Concept), *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2016, no. 4 (19), pp. 155–179. DOI 10.19181/vis.2016.19.4.433. EDN XWETNN (in Russ.).

Lenin V.I. *Imperialism, the Highest Stage of Capitalism*, Moscow, Gospolitizdat, 1952, 230 p. (in Russ.).

Levashov V.K. (ed.), Velikaya N.M., Shushpanova I.S. et al. *Kak zhivesh', Rossiya? Ekspres-informatsiya. 52-y etap sotsiologicheskogo monitoringa, may 2022 goda* [How Are You, Russia? Express Information. 52nd Stage of Sociological Monitoring, May 2022], Moscow, FNIS'ts RAN, 2022, 91 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022 (in Russ.).

Rybalchenko S.I. (resp. ed.), Korotaev A.V., Efremov I.A. et al. *Sem'ya i deti v Rossii : spets. dokl. Obshchestv. palaty Ros. Federatsii : stat. sbornik Rosstata* [Family and Children in Russia : a Special Report by the Civic Chamber of the Russian Federation], Moscow, Obshchestvennaya palata Rossiyskoy Federatsii, 2024, 100 p. (in Russ.).

Sorokin P.A. *Sociological Theories of Today*, Syktyvkar, Anbur, 2023, 720 p. (in Russ.).

Spengler O. *The Decline of the West*, vol. 2, Moscow, Mysl', 1998, 606 p. (in Russ.).

Spengler O. *The Hour of Decision: Germany and World-Historical Evolution*, München, Verlag C.H. Beck, 1933, 165 p. (in German).

Spengler O. The Two Faces of Russia and Germany's Eastern Problems, *Spengler O. Politische Schriften*, München, Verlag C.H. Beck, 1933, pp. 100–115. (in German).

Tikhonova N.E. *Dinamika normativno-tsennostnykh sistem rossiyan i perspektivy modernizatsionnogo proekta* [The Dynamics of Normative Value Systems of Russians and the Prospects of the Modernization Project], *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2011, no. 3, pp. 10–27. EDN PBFDCN (in Russ.).

Toynbee A.J. *A Study of History*, Moscow, Ayris-Press, 2010, 638 p. (in Russ.).

Toynbee A.J. *Civilization on Trial ; The World and the West*, Moscow, ACT, Vladimir, Astrel', 2011, 318 p. (in Russ.).

Vishnevsky A.G. Evolution of a Russian Family. The Crisis of Family Values from Historical Point of View, *Ekologiya i zhizn'*, 2008, no. 7, pp. 4–11. EDN MSUMMZ (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-5481-7425;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-код: 3004-0891;
E-mail: nickolai_91@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko

Candidate of Sciences in Law, Senior Researcher, Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-5481-7425;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-code: 3004-0891;
E-mail: nickolai_91@inbox.ru